

27 октября 1982 г. ●

В «Советской Чувашии» за 17 января этого года была напечатана статья о писателях — выходцах из Поречского района. В ней названо имя Веры Жаковой. Сказано, что она автор повести «Кулибин», о которой хорошо отзывался А. М. Горький. И, оказывается, наша землячка-писательница восемь лет переписывалась с Алексеем Максимовичем. Хотелось бы знать, о чем эти письма...

Э. КОСТИНА.

г. Чебоксары.

БУКВАРЬ впервые она раскрыла в ту пору, когда еще не ходила в первый класс. Ее мама, Екатерина Алексеевна, была учительницей в Никулине — большом деревянном селе степного сурского левобережья. В доме было много книг, и любопытная девочка рассматривала в них не только картинки.

В семь лет она знала наизусть сказки и стихи Пушкина, Никитина, Кольцова... Вере стало тринадцать. И тайно от родных и школьных товарищей она запечатала в почтовый конверт листки со своими стихами. Вложила в него и письмо с признанием:

«Ребята прозвали меня поэтом. Но последнее время мне кажется, что мои стихи никому не годны, что они плохие, и я хочу бросить писать... Читать я люблю ужасно и читаю много. Из Ваших произведений мне очень нравятся «Детство», «В людях», «Песнь о Соколе»...

Я с удовольствием вспоминаю детство, которое я провела в деревне среди крестьян с няней Верой, где моя мама была учительницей. Теперь она тоже учителем в той школе, где учусь я... Кроме школы я учусь музыке, французскому и английскому языку, а скоро примусь и за немецкий. Ваш портрет стоит у меня на столе среди других любимых писателей».

Понятно, что на почтовом конверте школьница Жакова указала кратко: «Италия, Сорренто, А. М. Горькому». Алексей Максимович ответил:

«Судя по Вашему письму, Вы — человек хороший, умный, значит — Вы не огорчитесь, если я скажу Вам правду, которая всегда более или менее горьковата, — такова уж ее природа. Что Вы умница — об этом говорит Ваша оценка Ваших же стихов... Это — верно, стихи очень плохие, но Вы должны знать, что в 14 лет от роду и Лермонтов и многие другие прекрасные поэты писали тоже скверные стихи.

Нет, Вы не бросайте писать, не учитесь писать хорошие стихи, вот это будет правильно. Не печатайте, не торопитесь заслужить чин поэтессы, почитайте мастеров: Пушкина, Лермонтова, Фета, Фанозова, Бункина, даже мрачного Сологуба. Если у Вас нет этих книг — напишите мне, я Вам пришлю. И вообще напишите: не надо ли Вам каких-либо книжек? Читайте больше, внимательно, учитесь, учитесь, и — кто знает? — может быть, через 3—5 лет начнете писать отлично. А пока пишите для себя, не показывая людям стихи Ваши. Это — для того, что неосторожные или мало сведущие люди могут похвалить Вас, а похвала — неосторожная, немелкая — может повредить Вам, милый мой далекий человек.

Всего доброго!»

Такое письмо было отправлено из далекого Сорренто в далекий Благовещенск-на-Амуре 28 октября 1928 года.

Дело в том, что семья Жаковых из села Никулино, что ныне в Поречском районе, переехала в Алатырь, а в 1923 году — на Дальний Восток. Но, как видим, Вера и там с удовольствием вспоминала детство, проведенное в Присуре. Позднее она поведала о родных местах в историческом рассказе «Настасья Хлопова».

А пока представим себе неопишемую радость школьницы-пионерки, когда она вскрыла почтовый конверт из Сорренто!..

И с той поры Алексей Максимович пристально следил за учебной, литературной работой Веры Жаковой, всячески помогал ей, вплоть до редактирования рукописей, а когда было нужно, — строго спрашивал. Это хорошо видно из переписки, которая велась между ними восемь лет. Часть писем к Вере Жаковой опубликована в «Собрании сочинений» М. Горького, некоторые сюда не вошли.

По вызову Горького девушка выезжает в Москву, встречается с Алексеем Максимовичем. Записывает:

Угловатый, сухой и строгий, Из-за кресла сутуло встал, Неуклюже расставил ноги, Осторожно мне пальцы сжал...

Теперь участь ее была определена. И можно только поражаться той энергии, энтузиазму, с которыми она начинала работать в Музее Изящных Искусств, Третьяковской галерее, в Музее Революции, в Останкинском дворце... Она трудится в архивах, изучает старославянский язык.

Из ее писем Алексею Максимовичу:

«Я сейчас работаю в «Пионерской правде». В сентябре, на Всесоюзном слете детворы, буду делать доклад о детской литературе. К нему сейчас усиленно готовлюсь... В данное время меня страшно беспокоит вопрос об учебе. Везде надо 18, а мне в августе только будет 16. Два года в Карман не спрячешь, вот в чем трагедия».

По просьбе Горького Веру, семнадцатилетнюю, принимают учиться в редакционно-издательский институт.

«Премудрал, уважаемал и не лепал девушка в очках! Ваше умение читать книги — восхищает меня, я говорю это совершенно серьезно и с крепкой надеждой, что Вы, со временем, научитесь писать весьма полезные книги.

«ВЫ ДЕВУШКА ДАРОВИТАЯ...»

К переписке А. М. Горького с нашей землячкой Верой Жаковой

Но — всякое добро надобно начинать с начала, а поэтому прочитанного Вами по истории рифмы — недостаточно. Вы сами видите, как субъективны и противоречивы соображения литераторов, чьи труды прочитаны Вами.

«Если Вы серьезно решили заняться работой о рифме — фольклор надобно знать, ибо в основе «писаной» литературы лежит устная.

И надобно знать европейские работы по этому вопросу. На каких языках читаете Вы? Сообщите мне это — немедленно! — я доставлю Вам нужные книги и привезу оные.

И — до свидания! Скоро увидимся, и я буду злобно издеваться над Вами, ведьма. И — еретица».

Уважаемый Вами старик

А. Пешков.

5.IV.32.

Характер у Жаковой по молодости был не устоявшийся. Она, очевидно, не могла найти главное в себе, не знала, что отобрать, а что отместить, определить, в чем ее истинное призвание.

«...Я по Москве прочитала около 1000 книг... История строительства Москвы — это в основном история героической и беспримерной творческой инициативы «черного народа», заслоненной именами иностранцев, втоптанной в грязь «тишайшей и богомольной Русью»... Наши ребята не знают нашей истории. А между тем пыльные россыпи драгоценных материалов лежат нетронутыми в архивах».

«Внимание, девица Жакова, Вера!

Немедленно по получении сего моего приказа начните: собирать факты, кои — в одну сторону — свидетельствуют об инициативе различных «мелких» людей, а в другую сторону — о том, как эту инициативу не понимали и подавляли.

Имею в виду пономаря, который «изобрел огнедышащую машину в 1772 г.», как сказано в письме Вашем, окаянная душа! Вот таких пономарей, Фультонов и прочих сего ряда, соберите десятка три, четыре и подумайте: не окажется ли возможным установить, что разный мелкий, «ничтожного положения народ» самосильно пытался ввести или внести в жизнь нечто облегчающее или украшающее ее, — старался за свой страх и бескорыстно послужить делу культуры, а люди «высокого положения» и предельной сытости эти усилия ничтожными игнорировали. Вы — понимаете?

Обдумывая сию тему, сядьте и разработайте ее в статье — размером в лист, а полтора. Статью же нужно написать живо и просто, как Вы, чертовка, пишете безумные Ваши письма... Вот Вам. А то Вы, девушка, расплзаетесь во все стороны, как тень облака, гонимого ветром. Накапливая фактические знания, Вы недостаточно уделяете внимания их социальному смыслу, не ищите его.

До свидания! Надо бы взглянуть — какая Вы теперь?

5.VIII.33

А. ПЕШКОВ.

«Девушка Вера Жакова! Прочитал о «Коне». Весьма интересно и хорошо написано. Продолжая в этом духе и по этой линии, Вы можете дать очень ценную книгу ярких иллюстраций к истории русской культуры. Крайне важно отметить, что в далеком прошлом мастерами культуры являлись зачастую такие же простые, «черные» люди, какие создают ее в наши дни, но уж на иной социально-идеологической основе.

Найдите старые гравюры московского Кремля и вообще палатного строения, — иллюстрируем книгу... Работайте так, чтоб не получилось «коряво», в чем Вы сознаетесь в письме ко мне. Вы девушка даровитая и должны работать очень серьезно, очень тщательно. Это Ваша обязанность не только перед страной, но и перед самой собой. Не торопитесь «написать». Если Вам нужны деньги — возьмите... Крепко жму руку. Работайте больше, это Вам полезно, девушка в очках.

14 марта 1934 года

М. Горький.

Очерк «О черном человеке Федоре Коне» был напечатан в том же году в альманахе «Год XVII».

В следующих письмах Горький наставительно предупреждает Жакову. Вот выдержки из них:

«Вы очень торопитесь. Торопитесь не только писать, но и думать, а привычка думать поспешно может — незаметно для Вас — разбить, расшатать Ваше литературное дарование, да и Ваш вкус и историю».

Не торопитесь, Верочка, дитя мое! Литература — это труднее, чем любовь. Вам грозит болезнь, которую можно на-

кими руками, видевшая много гадостей, через унижение и ненависть познавшая смысл и величайшую радость социальной борьбы, руководившая ею сама, нуждается в лучшем биографе».

И «девушка в очках» садится за письменный стол.

И тут ей, конечно же, припомнились и родные присурские места, и знакомый город Алатырь, где прошло ее детство и где в далеком 1774 году Емельян Пугачев, повзвизгав с Настасьей Хлоповой (при этом он назывался государем императором Петром III, а она княгиней Владимировой), сделал ее своим адъютантом.

«Журнал «Молодая гвардия» впервые опубликовал рассказ о Настасье Хлоповой по сохранившейся рукописи в 1959 году. При жизни Вера Жакова, видимо, не считала его законченным. Не случайна ее фраза о том, что «моя ровесница... нуждается в лучшем биографе». Это была не показная скромность, а высокая требовательность к литературному труду.

Но вернемся к повести «Кулибин» и оценке ее Алексеем Максимовичем. Из Крыма Жакова получила рукопись, не ожидая того, отредактированную Горьким.

В жаковской повести была фраза: «Тяжелые, коренастые баржи, медленно переваливающиеся под надрытыми крики бурлаков, впряженных в бечеву, вызывали досаду». Единственная поправка Горького зачеркнул слово «бечеву» и написал точное — «лямки».

Или у Жаковой сказано, что когда Кулибин, работая над проектом моста через Неву, «вспоминал волжских грузчиков, таскавших зараз по 40 пудов на полусогнутой спине». Горький огульным почерком замечает: «Ой!» и исправляет цифру 40 на 20.

Тогда, весной тридцати шестого, Жакова была бесконечно рада.

«Родной Алексей Максимович! — писала она Горькому. — Ваша телеграмма. Ваше письмо совпало с первыми днями моего пребывания в рядах ленинского комсомола. Город Горький стал мне более чем родным... Мне так хочется работать, а главное поблагодарить Вас за оплевающее счастье, которое Вы дали мне — счастье работы».

Жакова обращалась к Горькому с просьбой предоставить ей летом возможность поехать по краю, побывать во Владимире, Суздале, Казани, где надеялась «найти редчайший материал».

Но в июне того года Алексея Максимовича не стало...

Оправившись от величайшего горя, Жакова начинала писать статью «А. М. Горький и книги». В ней говорит:

«Работать во имя радости, работать радостно — вот прекрасный девиз нашей эпохи. (Видимо, она припомнила совет, услышанный от Алексея Максимовича: «Работать нужно так, чтобы людям было радостно от вашей работы»). Вот почему скорбь о Горьком не изглаживается в сердцах людей, знавших его. Вот почему каждый вечер подхожу к его портрету и тихонько говорю ему: «Милый, ласковый Алексей Максимович, всем сердцем, всеми мыслями я всегда с Вами... Вы живы, и как живому Вам принадлежит моя молодость, моя работа, все лучшее, что во мне есть».

Превозмогая недуг, Вера Жакова трудилась напряженно, самоотверженно. У нее были большие творческие замыслы, которыми писательница поделилась с «Комсомольской правдой». Письмо ее в редакции получили за день до того, как тринадцатого марта тридцать седьмого года сердце Веры Жаковой, отработав всего два года, остановилось.

Значительную часть своих произведений Вера Жакова при жизни в печати не увидела. Позднее были опубликованы рассказы «Настасья Хлопова», «Град Китеж», повести «Школа Ступина», «Максим Березовский», другие работы.

Ныне книги Веры Жаковой не залеживаются на библиотечных полках. В республиканской библиотеке имени Горького могут предложить читателю лишь единственный экземпляр книги, выпущенный Амурским издательством в 1962 году.

Может быть, пора и Чувашскому книжному издательству обратить внимание на творчество писательницы-землячки, вращенной Алексеем Максимовичем Горьким?

Материал подготовил Николай СТУРИКОВ.

звать: пренасыщение и утомление неорганизованным знанием — пренасыщение, которое может обратиться в отвращение к знанию.

Отнеситесь к моим этим замечаниям серьезно, ибо я серьезно, искренне желаю Вам хорошего, здорового роста. Не суетитесь».

По рекомендации Алексея Максимовича «девушка в очках» переезжает из Москвы на Волгу. Здесь, в городе Горьком, она должна заняться историей большого края, написать о нем. И Жакова искренне признается своему духовному и литературному учителю: «Горьковский край — это моя молодость, моя жизнь, это работа, которой я готова отдать все силы».

С присущей ей энергией Вера Жакова «влезает во все». Много ездит по обширному Горьковскому краю, куда входила тогда и Чувашская республика. Бывала Жакова и в Чебоксарах, встречалась с первым секретарем обкома партии — Сергеем Порфирьевичем Петровым, с Иваном Даниловичем Кузнецовым — ныне профессором, доктором исторических наук.

В одной из поездок она простудилась. «В результате получилось инфекционное заболевание нервной системы, приступы слепоты, немоты и прочая гадость».

Превозмогая недуг, Жакова продолжает напряженно работать. Она пишет повесть «Школа Ступина», очерк о Нижнем Новгороде и еще повесть — о крупнейшем механике и изобретателе Иване Петровиче Кулибине.

Очерк и повесть послала в Крым, где жил тогда Алексей Максимович. В ответ получила телеграмму: «Очень хорошо. Письмо следует».

И вот оно:

«Очень рад сказать Вам, Вера, что о Кулибине Вы написали хорошо — гневно, горячо, ярко и все — в меру. Чувствуется, как тема волновала Вас, и это волнение — испытываешь. Уверен, что также испытает его любой грамотный читатель. Вещь эту надобно будет издать вместе с другими биографическими очерками Вашего пера, — интересная книжка будет.

«Нижний» требует кое-каких поправок, прилагаю «указатель» оных.

Теперь, когда Вы, наверное, поняли, как важно отдать всю свою волю определенной задаче, я почти уверен, что дальнейшая работа у Вас пойдет легко и быстро... Очень рад я, что Кулибин удался Вам!

Будьте здоровы, растите боляша!

25.IV.36.

М. Горький.

«Еще раньше, три года назад, Жакова писала Алексею Максимовичу:

«Посылаю Вам биографию Настасьи Хлоповой. О ней написано мало, почти ничего. А в истории русской женщины этой двадцатилетней девочке несомненно принадлежит одно из первых мест... Хлопова увлекала меня. Моя ровесница, девочка с неокрепшими худень-